

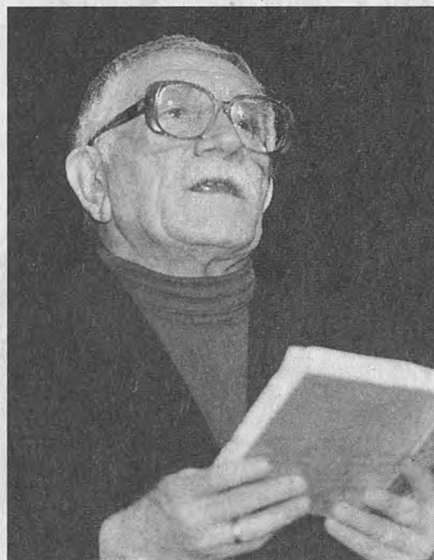
Возвращение Джигарханяна

Продолжаем разговор про маленькие театры. Поскольку их скромные голоса из общей столичной театральной песни не выкинешь. Более того, порой именно здесь, в какой-нибудь «кормче на литовской границе», можно неожиданно наткнуться на свежее и качественное зрелище. Театр Джигарханяна, вступивший в нынешний сезон с практически полностью обновленным актерским составом, другими режиссерскими именами и явно изменившейся жизненной философией (только полуподвал у станции метро «Спортивная» по-прежнему актуален, поскольку в бывшем кинотеатре «Прогресс» ремонта предстоит еще не мерено), так вот, Театр Джигарханяна даже не вынес свою последнюю постановку на отдельную афишу. «Положим до осени, — уклончиво говорит сам, — доработаем, почистим...» Чистота, конечно, — залог творческого здоровья, но до осени жить и жить, а, на мой взгляд, пинтеровское «Возвращение домой», сделанное Сергеем Газаровым, уже сейчас можно смело рекомендовать к широкому зрительскому просмотру.

Хотя, конечно, маленькие театры в рекламе не нуждаются. Зал на 150 мест всегда найдет, кого вместить. «Возвращение...», хоть и неанонсированное, идет с битковым аншлагом (то есть еще десяток зрителей жмутся к стенке), причем Театр Джигарханяна остается излюбленным местом культурного отдыха родственной худру на национальной диаспоре. Обаятельный акцент, отливающие смолю укладки, темные миндалевидные глаза и стильно небритые щеки — неизменные спутники всякой здешней премьеры.

Маленький Театр Джигарханяна, слава Богу, не из тех, кому адресован корявый, но справедливый текст эстрадного хита: «Подрасти твои попытки все равны нулю». Непопулярные реформы худрука, совершенно очевидно, идут на пользу делу. Выветрилась легкомысленная атмосфера затянувшейся студийности, жизнь и на сцене, и за кулисами стала строже, профессиональнее и умнее. Две премьеры текущего сезона — «Ревизор», о котором «Новые Известия» уже рассказывали, и теперешнее «Возвращение домой» (обе, кстати, принадлежат одному режиссеру) — при всех недочетах и недоработках тем не менее вывели театр на достойный, «взрослый» уровень, конечно же несравнимый с беспомощной полудетской милотой первой джигарханяновской труппы.

Главный козырь «Возвращения...» — присутствие на сцене самого Джигарханяна. Уже на протяжении нескольких лет, после скоростного ухода из Маяковки, публику он своим общением, прямо скажем, не балует, а потому принимают его, как в добрые старые времена, — празднично, как-то даже несоответственно камерности зала, аплодисментами на выход и уход. Что поделаешь, людям нужны премьеры. Не считайте за нарекание.

ГЕНАДИЙ ХМЕЛЬНЫЙ

«Дефицитный» актер...

В «Возвращении...» Джигарханян раскручивает то, что уже попробовал в «Последней ленте Крэппа». Ему еще очень под силу матерые мужские бенефисы (скажем, «Перед заходом солнца»), но интереснее почему-то стала острая характерность дряхлеющей плоти: шаркающая (некавалерийская) походка; мутный рассеянный взгляд; кашель с перекатывающейся в горле мокротой (пardon за натурализм, но это все-таки основной стиль Джигарханяна); до боли знакомый голос, окончательно завалявшийся спитой и хрипотой; тугие, плохо координированные движения — возникает ощущение, будто видишь, как трудно проворачиваются в гнездах суставы... Несмотря на весь этот физиологический разгул Джигарханян ухитряется оставаться смешным. То есть типаж своего сценического героя он радикально поменял, но жалости к собственным персонажам по-прежнему не требует. Это является лучшим доказательством того, что процесс старения и интеллектуального распада имеет к нему отношение только в служебное время и исключительно в творческом русле... Да и спрятать собственную силу Джигарханяну, как всегда, не удастся. Его Макс — «мощный старик», у которого под тусклой, подернутой пеллом оболочкой продолжает грозно побулькивать лава бывшего темперамента.

Макс — потомственный лондонский мясник, вдовец, отец троих взрослых сыновей и в недавнем прошлом... как бы это помягче выразиться... нет, мяте не выходит: то, что на русском языке обозначается емким понятием «кобель». Еще несколько лет назад он был слишком занят одно-

образными телодвижениями в разнообразных местах, и до собственных детей просто руки не доходили. В итоге что выросло, то выросло. Первый — упорный тупоголовый увалень, вечно побитый боксер; другой — ни то ни се, хамоватый бездельник; третий, как бывает в сказках, — умный и красивый, гордость семьи, давно, впрочем, эту семью покинувший. Собственно, «Возвращение домой» как раз про то, как благополучный доктор философии приезжает с женой навестить своих полумаргинальных родственников. Уже к финалу выясняется, что жена Тедди — бывшая проститутка, причем явно не по судьбе, а по призыванию. И все налицующиеся в доме мужики, за исключением пятидесятилетнего дядюшки, таксиста-гомосексуалиста (его играет Александр Пашутин), вступают за нее в драчку. Эта борьба имеет какую-то гремучую сексуально-экономическую подоплеку и опирается на многовековые завоевания западной демократии. Семья скопом хочет новую родственницу — это раз, кроме того, не прочь на ней заработать — это два, однако предоставляет ей полную свободу выбора — это три. Понятно, что лишним в такой ситуации оказывается философ. То есть у Пинтера понятно, у Газарова — нет. Что точно требует доработки в его спектакле — финал. А еще точнее — вся безнадежно просраженная линия Тедди и Рут. «Чистить» здесь нечего, надо менять исполнителей. Особенно обидно наблюдать за совсем слабенкой игрой Ильи Бледного, очень талантливого и очень молодого актера новой джигарханяновской труппы, только что блестяще сыгравшего Хлестакова. Видимо, Тедди — просто не его роль. Жаль, поскольку из-за неверного выбора двух актеров мелькает и мутнеет страшная глубина пинтеровской пьесы.

Оформлено «Возвращение...» просто и умно (художник — Анастасия Глебова). Полупустая и от этого кажущаяся чрезмерно большой комната. Наискосок через всю сцену — длинный стол. Неопрятное, тоскливое, разреженное пространство. Здесь и едят, и спят, и ругаются, и плачут, и домогаются чужой жены, и демонстрируют недолгую, но искреннюю семейную идиллию, отбивая бодрый ритм под Yellow submarine. За исключением невинного финала, спектакль отличается очень высокой плотностью. Идет он меньше двух часов, а эмоциональных впечатлений хватило бы на все четыре. История предельно грязная, но эта грязь, во-первых, сценична, во-вторых, доведена почти до абсурда и уже не корбит ни нравственного, ни эстетического чувства. «Возвращение домой» не оставляет шансов для ханжеского морализаторства, поскольку за первым всплеском ужаса: «Как же в них все это уживается?!» — должно честно последовать другая мысль: «А сколько всего уживается во мне...». Окажитесь готовы к тому, что этой мыслью будет несколько омрачено ваше возвращение домой.